

— Бегите! Скорее бегите!

События разворачивались со стремительностью горного обвала. Иссиня-черный, косматый, ростом с небольшую гору Медведь-слепыш внезапно вырвался из густых зарослей.

Мужчины бросились врассыпную. Лю Шуньцзы на бегу вскинул лук и наложил стрелу. Видя это, Мясник Ма в ярости выкрикнул:

— Не смей!..

Но было поздно. Оперенная стрела со свистом полетела в зверя, однако тот, точно одержимый злым духом, с легкостью отбил её лапой, твердой как железо. Шуньцзы, окончательно потеряв голову от страха, попятился назад, и эта оплошность стала для него роковой. Разъяренный медведь мощным прыжком настиг его, и острые когти полоснули человека по груди.

Лес огласил полный невыразимой муки вопль:

— Помогите! Спасите меня! Помогите!

Вэй Чэн, крепко прижимая к себе Горшочка, на бегу не удержался и оглянулся. Лю Шуньцзы, первым нашедший сегодня корень, лежал на земле под тушей зверя, истекая кровью.

Старик Мэн со своими прихвостнями давно скрылись в чаще, а вот лекарь Цяо, Ли Саньлан и Мясник Ма остались. Вооружившись луками и тяжелыми дубинами, они вступили в схватку с медведем, пытаясь отбить несчастного.

Сердце юноши замерло: перед глазами всплыла картина того дня, когда в этих лесах сгинул его отец. Ноги налились свинцом, и он закричал, срывая голос:

— Дядюшка Цяо! Брат Саньлан!

Доумяо зашелся в рыданиях:

— Батюшка!

Старший Ма, увернувшись от очередного удара когтистой лапы, рявкнул в их сторону:

— Бегите! Бегите по ветру!

Каждый горец знал: от Медведя-слепыша нужно уходить по ветру, чтобы зверь с его чутким нюхом не смог снова взять след. Подросток, пошатываясь, сделал пару шагов к отцу:

— Папа!

— Уходите! Вэй Чэн, уводи Доумяо! — выкрикнул Мясник, и в ту же секунду медведь подмял его под себя. Остальные тут же бросились на выручку.

Глаза Чэна застлала багровая пелена. Из последних сил он схватил друга за руку и потащил за собой:

— Доумяо, уходим! Скорее!

Трое детей, не разбирая дороги, мчались сквозь чащу. Далеко позади еще слышался полный ярости и боли рев разъяренного зверя.

Они остановились только у берега безымянной речушки, задыхаясь от долгого бега. Старший брат бережно вытер пот с личика Горшочка:

— Не бойся, маленький, всё хорошо.

Затем он похлопал по плечу товарища, который без сил рухнул на землю:

— Доумяо, тише, не плачь. Твой отец сильный, они обязательно справятся.

Малыш присел перед другом и протянул ему свой чистый платочек:

— Брат Доумяо, дядюшка Ма, лекарь Цяо и брат Саньлан — очень хорошие люди. Небо их защитит.

Тот взял платок и, всхлипывая, повторил как заклинание:

— Обязательно... обязательно справятся...

Вэй Чэн дал приятелю выплакаться, а когда тот немного пришел в себя, заговорил:

— Нам нельзя возвращаться тем же путем, это слишком опасно. Нужно искать другой спуск с горы.

О том, чтобы продолжать поиски женьшеня после случившегося, не было и речи. Мальчик

осмотрелся. Они стояли на берегу реки: за спиной — отвесные скалы, впереди — непроглядная стена чужого, пугающего леса. Место было совершенно незнакомым — они явно сбились с пути.

Вдруг из зарослей неподалеку послышался шорох. Дети мгновенно насторожились. Юноша задвинул спутников себе за спину и, крепко сжав палку, приготовился к худшему. Но стоило ему разглядеть незваного гостя, как оружие с глухим стуком выпало из его рук.

— Синьэр!

Черный волчонок со всех ног бросился к Вэй Чэну, обнюхивая его штанины, а не найдя ран, прыгнул на руки к Горшочку. Он принялся преданно вылизывать лицо и руки малыша, проверяя, цел ли его маленький хозяин.

Горшочек прижал к себе пушистый комочек:

— Синьэр, Синьэр! Мы с братиком живы!

Доумяо поднялся, отряхивая грязь с одежды. На лице его еще блестели следы слез, но в глазах светилось удивление:

— Брат Чэн, как... как этот черный песик нас нашел?

Вэй Чэн ласково потрепал зверька по голове:

— Похоже, он шел за нами по пятам с самой деревни.

Друг восхищенно закивал:

— И впрямь, чудесный пес!

Малыш немного поиграл с питомцем, но, коснувшись его живота, обнаружил, что тот совсем впал.

— Братик! Синьэр хочет кушать! У него в животике пусто!

— Он бежал за нами полдня, конечно, проголодался, — кивнул Чэн.

Они и сами успели только попить воды и наскоро перекусить сухими лепешками. Горшочек поспешно открыл свой узелок, достал маленькую кукурузную лепешку, которую им дали матушка Доумяо и Лань-шэньцзы, и разломил её:

— На, ешь.

Волчонок, действительно изголодавшийся, принялся жадно глотать угощение прямо из рук ребенка.

— Брат Чэн, — Доумяо уже окончательно успокоился, но теперь со страхом поглядывал на дикую чащу вокруг. — Ты сможешь найти дорогу домой?

Он зябко потер плечи:

— Мне кажется, мы зашли очень далеко.

Вэй Чэн молча огляделся. Он подошел к огромному дереву, крона которого закрывала небо, внимательно осмотрел его, затем перешел к другому, третьему...

— Чэн, да что ты там ищешь? — не выдержал Доумяо.

— Смотри на ветви.

Вэй Чэн указал на густую верхушку:

— Учитель когда-то читал нам «Географию». Там говорилось: у деревьев корень один, а ветви по-разному растут. Присмотрись: с этой стороны листва гуще, а с той — реже.

Он сделал шаг вперед и коснулся мощного ствола:

— И кора здесь грубая, колючая. Значит, там север.

Юноша задумался:

— Будем идти на север, вдоль течения.

Видя такую уверенность друга, Доумяо заметно приободрился и вытер нос рукавом:

— Ладно!

Вэй Чэн обернулся к брату. Горшочек как раз закончил поить Синъэра водой. Старший погладил его по голове:

— Проголодался? Поешь чего-нибудь вместе с волчонком.

— Горшочек не хочет кушать.

Малыш поднял голову и тихо спросил:

— Братик, мы потерялись?

— Нет.

Чэн стер комочек грязи со щеки Горшочка:

— Я найду дорогу и отведу тебя домой.

— Но ведь... — Горшочек понурил голову. — У нас больше нет дома.

Вэй Чэн замер. Малыш с надеждой и грустью прошептал:

— Братик, мы больше не будем искать сокровище? Если мы пригласим корень, у нас будут денежки на новый дом!

— Но сейчас с нами нет взрослых, а в лесу так опасно...

— Брат Чэн! — Доумя, помолчав, вдруг решительно произнес. — Давай не пойдем вниз! Давай искать корень!

Он шмыгнул носом:

— После такой беды родители меня в горы больше не пустят. Раз уж мы забрались в такую глушь, глупо уходить с пустыми руками!

Маленький Горшочек подхватил Синьэра, который как раз чистил уши, и сверкнул зубами в улыбке:

— Братик, не бойся! Синьэр нас защитит!

Волчонок, словно понимая, о чем речь, грозно оскалился, показывая, что он — зверь серьезный. Юноша, глядя на эту компанию, невольно рассмеялся:

— Раз уж вы не боитесь, то и мне страх неведом.

«Богатство ищется в опасности» — если бы они всего боялись, не заработали бы и на лягушках. Конечно, теперь с ними был Доумяо, и нужно было думать о его безопасности, но раз тот сам рвался в бой — значит, стоило рискнуть!

Решив продолжить поиски, дети сошли с берега реки и углубились в чащу, выбирая места, где чаще всего встречается дикий женьшень. По дороге они вспоминали всё, чему их учили взрослые, и вскоре стали чувствовать себя в лесу гораздо увереннее.

Они шли долго, но удача всё не шла к ним в руки. Впрочем, никто не унывал: на привалах они подкреплялись лепешками, пили воду и снова шли вперед. И вот, когда они спустились к залитому солнцем склону под защитой скал, Горшочек вдруг воскликнул:

— Братик!

Вэй Чэн, который как раз прощупывал траву палкой, обернулся:

— Что такое? Хочешь в туалет?

— Смотри, братик! — Горшочек с сияющими глазами указал на подножие старого дерева.

Чэн подошел ближе и среди густой травы увидел несколько ярко-зеленых стеблей. Доумяо ахнул и принялся шепотом считать, едва сдерживая восторг:

— Один, два, три, четыре... Четырехлистник! Это же Четырехлистник!

Те корешки, что нашли люди старика Мэна, были «Трехцветками» — совсем молодыми. Даже тот корень, из-за которого так хвастался Лю Шуныцзы, был всего лишь Трехлистником лет десяти от роду. А этот красавец имел четыре сложных листа! Такому экземпляру должно быть никак не меньше сорока лет!

Доумяо помнил, что шуметь нельзя, поэтому прошептал на самом ухе малыша:

— Горшочек, ты и впрямь... дитя удачи!

Тот довольно зажмурился.

Вэй Чэн тоже был вне себя от радости, но как самый старший и рассудительный, он первым делом достал красную нить и обвязал стебель, чтобы «сокровище» не вздумало убежать.

«Приглашение корня» требовало предельной осторожности — нужно было извлечь из земли каждый тончайший отросток. Трое детей, затаив дыхание, принялись осторожно разгребать почву руками. Даже волчонок помогал им, споро работая передними лапами.

Поскольку опыта у них было маловато, работа затянулась почти на два часа. Но когда корень наконец показался на свет, они замерли от восхищения. Это был мощный корень почти двадцати цуней длиной, с густыми кольцами на шейке и длинными, раскидистыми «руками». Он был похож на маленького седого старичка, сложившего ладони в молитве.

Говорят, в женьшене нужно «видеть пять форм и различать шесть тел». Дети мало в этом смыслили, но чувствовали — этот корень идеален. Когда налюбовались всласть, Чэн, подражая старику Мэну, бережно обернул его свежей лесной землей и мхом и уложил в корзинку Горшочка. Юноша и Доумяо, вдохновленные успехом, стали искать еще усерднее.

Малыш поднял чумазое личико, сияя от счастья:

— Братик, теперь мы построим дом?

Старший брат улыбнулся, вытирая его щеку:

— Не знаю, сколько за него дадут, но вместе с нашими сбережениями на большой дом точно хватит.

Горшочек радостно закружился, обнимая Синъэра:

— Ура! Ура! У нас с братиком будет большой дом!

Радость Горшочка передалась и остальным. Не зря говорили, что в горах Маоси женьшень выбирают дочиста — на этом склоне им больше ничего не попало. Пришлось перебраться через быстрый ручей в другую часть леса.

Там Вэй Чэн и Доумяо нашли по паре молодых «Трёхцветок». Пусть это были совсем юные корни, за них всё равно можно было выручить по паре лянов. Вэй Чэн сначала выкопал свой корень, а потом помог Доумяо. Тот был слишком суетлив, и юноша боялся, что он повредит нежные отростки. В аптеках богачи всегда ценили те экземпляры, что были выкопаны в целостности и сохранности.

Спутник смущенно почесал затылок:

— Брат Чэн, прости, что тебе всё приходится делать.

Чэн и впрямь устал больше всех — он и дорогу искал, и корни выкапывал.

— Пустяки. Ты лучше присмотри за Горшочком, чтобы не убежал далеко.

Доумяо согласно кивнул и поплелся к Горшочку, который сидел в траве и плел веночек. Малыш, увидев друга, отложил траву, замялся и тихонько шепнул:

— Брат Доумяо, Горшочек хочет... по маленькому.

— Пойдем, я тебя отведу.

Горшочек не стал отвлекать брата от дела, взял Доумяо за руку и пошел за ним. Синьэр преданно трусил следом. Спутник взглянул на волчонка и улыбнулся:

— Горшочек, я всё спросить хотел — где вы с братом этого черного песика нашли? Похоже, это настоящий черный волкодав, за такого в городе несколько лянвов просят!

— Мы его не покупали. Его семья сама отдала его Горшочку, — послушно ответил ребенок.

— Семья? — Доумяо не стал вникать, решив, что речь о прежних хозяевах. — Эх, будут деньги — тоже себе щенка заведу. Я очень собак люблю. Правда, вашего я немного побаиваюсь.

Горшочек замахал ручками:

— Не надо бояться! Синьэр даже послушнее, чем Горшочек!

Доумяо рассмеялся, глядя, как грозный зверь преданно лижет ладонь малыша:

— И впрямь, смирный.

Поскольку они были мужчинами, то не стали искать особого укрытия. Доумяо уже начал затягивать пояс, как вдруг Синьэр глухо зарычал. Обернувшись, мальчик едва не лишился чувств: из травы на них смотрела пестрая змея, угрожающе поводя красным жалом.

— Не... не бойся, Горшочек, — пролепетал Доумяо, сам едва не оконфузившись от страха.

Малыш наклонил голову, встретился со змеей взглядом и, не почуввав в ней добрых намерений, махнул ручкой:

— Синьэр, кусай её!

Черная тень метнулась вперед. Волчонок, ни капли не боясь ядовитого гада, вступил в схватку.

У подростка поджилки тряслись — больше всего на свете он ненавидел этих холодных тварей! Он хотел крикнуть Горшочку, чтобы тот бежал к брату, но заметил, что малыш с любопытством смотрит куда-то за спину сражающимся зверям.

Схватка закончилась быстро: Синьэр одним точным движением перекусил противнице шею. Когда та затихла, дети ахнули — уж больно длинной оказалась рептилия! На шум прибежал Вэй Чэн:

— Что случилось? Все целы?

— Брат Чэн, смотри...

Змея уже издохла, но волчонок продолжал трепать её тело, поднимая тучи лесной пыли.

— Горшочек, тебя змея не укусила?

— Нет! — Горшочек указал на волчонка и смешно оскалился, подражая Синьэру. — Она была злая, а Синьэр её победил!

Вэй Чэн облегченно выдохнул и скомандовал Синьэру:

— Синьэр, брось.

Тот послушно разжал зубы и напоследок презрительно пнул змеиную тушку задней лапой.

— Братик, там такой красивый цветок! — Горшочек указал под дерево.

Доумяо огляделся:

— Цветок? Где?

Юноша, обходя неприятную тушу, подошел к дереву. В густой зелени алело яркое пятно. Раздвинув траву, он увидел нежно-зеленый стебель женьшеня, увенчанный гроздью мелких красных плодов. Лекарь Цяо говорил им, что плоды ценятся не меньше самого корня — такое сокровище случается лишь раз в год.

Вэй Чэн присмотрелся: это был крепкий Трёхлистник, а рядом с ним примостился совсем маленький Двухчерешковый корень без плодов.

— Неужели эта змея охраняла корень?

Доумяо от изумления забыл про страх перед мертвой гадиной. Он во все глаза смотрел на Горшочка:

— Да ты... ты даже в туалет сходить не можешь, чтобы корень не найти?! Горшочек, ты что, Бог Богатства, спустившийся с небес?

Малыш хихикнул, гордо задрал носик:

— Братик говорит, что Горшочек — маленький небожитель.

— С этого дня я не буду молиться никому, кроме тебя! — Доумяо был в восторге. — Горшочек, скажи, где нам еще в туалет сходить? Хочешь, я тебя подержу?

Горшочек вцепился в свои штанишки:

— Нет! Нет! Горшочек уже сам умеет!

Доумяо еще долго подшучивал над ним, пока малыш не спрятался за спину брата:

— Братик, Доумяо сошел с ума!

Вэй Чэн смеялся до слез. Он вспомнил, что сам вел себя еще чуднее, когда им впервые так повезло.

— Горшочек, давай отдадим этот маленький корень брату Доумяо, хорошо?

Двухчерешковому корню было уже лет восемь, за него могли дать лянов десять. Этого как раз хватило бы семье друга на аренду лавки в городе. К тому же сегодня им и так сказочно везло, а товарищ, рискуя вместе с ними, нашел пока лишь крохотную «Трёхцветку». Малыш кивнул:

— Да, Горшочек любит брата Доумяо.

Подросток оторопел. Лишь спустя минуту он понял, что братья хотят отдать ему этот дар. Он замахал руками:

— Нет, брат Чэн, так нельзя! Змею убил ваш пес, корень нашел Горшочек. Да и выкапываешь их ты, ползая на коленях. Без вас я бы и хвоста женьшеневого не увидел. Я ничего не сделал, я не возьму!

— Для успеха нужны три вещи: время, место и люди. Твое присутствие здесь и есть та самая доля успеха. К тому же мы братья. Если бы мне не нужно было так срочно строить дом, я бы

все наши находки делил пополам.

После долгих уговоров этот простодушный парень, едва не плача от благодарности, произнес:

— Тогда... спасибо тебе, брат Чэн. Спасибо, маленький Горшочек.

Десять лянов! Он и представить не мог, насколько это облегчит жизнь его родителям. Вэй Чэн сосредоточенно принялся за дело. Он был спокоен и точен: пусть видел «приглашение» всего раз в жизни, но сумел извлечь корень в целости.

Закончив работу, они поспешили вниз по течению реки. Время от времени они стучали палками по деревьям, надеясь, что их услышат свои. Но день уже клонился к закату, а никого из деревенских так и не было видно.

— Брат Чэн, чувствуешь запах? — Доумяо принялся. — Кажется, впереди дым?

Вэй Чэн, неся на руках уснувшего Горшочка, прошел немного вперед и радостно подтвердил:

— Да, это дым.

Спутник засиял:

— Может, это отец?!

Юноша на мгновение задумался, а потом зашептал приятелю на ухо свои опасения. Тот серьезно закивал:

— Я понял, Чэн. Я всё запомнил.

Они спрятали Синъэра в густой траве и только после этого вышли к огню. Там и впрямь сидели люди из их деревни.

— Доумяо? Чэн? — их окликнул Чжоу Лаолю, правая рука старика Мэна. — Вы как здесь оказались? Почему не с отцом?

Доумяо тут же скорчил плаксивую мину и, размазывая воображаемые слезы, запричитал:

— На папу медведь напал... мы с братом Чэном и малым в лесу заблудились... у-у-у...

Чжоу Лаолю окинул их взглядом. Дети были по уши в грязи и выглядели совершенно

измотанными — сомневаться в их словах не приходилось.

— Ну, идите к костру. В лесу ночью опасно, завтра твой отец сам вас найдет.

Подросток послушно кивнул и утянул Вэй Чэна с Горшочком в самый дальний угол. Группа Мэна как раз жарила на огне двух зайцев — аромат стоял такой, что кружилась голова. Малыш проснулся от этого запаха и, потирая глазки, пробормотал:

— Братик, как вкусно пахнет.

Вэй Чэн шепнул ему:

— Завтра я сам тебе поймаю. А если не поймаю — спустимся с горы и купим, идет?

Малыш, как всегда, послушно согласился. В это время к ним подошел старик Мэн. В руках он держал заячью лапку. Он протянул её к самому носу Горшочка и елевым голосом спросил:

— Ну что, малыш, много вы сегодня с братьями корней нашли?

Доумяо отвернулся, сжимая кулаки. Вэй Чэн уже хотел вмешаться, но Горшочек внезапно впился зубами в заячью лапку:

— Вкусно!

Старик Мэн опешил:

— Ты... ах ты, малец...

Горшочек, набив рот мясом и сверкая чумазыми щеками, радостно пропищал:

— Спасибо, дедушка, за зайку!

Охотнику пришлось убрать руку. Он криво усмехнулся:

— Так ты мне не ответил — сколько корней-то пригласили?

— А это — корень? — Горшочек принялся копаться в своем мешочке и вытащил охапку плетеных колец из травы. — Смотри, дедушка! Горшочек сегодня целую кучу накопал!

Старик Мэн, поняв, что от ребенка ничего не добьешься, сердито ушел. Вэй Чэн и Доумяо переглянулись — у обоих по спине пробежал холодок. Хорошо, что они заранее договорились молчать, но главарь охотников оказался хитрее, чем они думали. К счастью, Горшочек проявил недюжинную смекалку...

Малыш, вгрызаясь в мясо, шепнул на ухо старшему брату:

— Хе-хе, злой дед хотел Горшочка обмануть!

Юноша едва сдержал смех, нежно ущипнув его за щеку. Эту заячью лапку приятели разделили на двоих. А неподалеку Чжоу Лаолю, уплетая зайчатину, ворчал:

— Хозяин Мэн, ну зачем вы к мелкому полезли? Еще и мясо на него перевели. Эти щенки в горах-то без году неделя, откуда им корень знать? Да если корень им под ноги ляжет, они его за траву примут и растопчут!

Старик Мэн прихлебывал вино и молчал. Рядом подал голос Цянцзы:

— Как думаете, Лю Шуньцзы выжил?

— Если и не сдох, то калеккой остался. Отец Вэй Чэна тоже так кончил, — Чжоу Лаолю покосился на Мэна. — Кстати, хозяин, вы ведь тогда тоже с Вэй Даньеном в горах были?

Лицо старика потемнело:

— Старое дело, чего поминать!

— А как думаете, Мясник с лекарем, когда Шуньцзы спасали, не прибрали ли к рукам его Трехлистник?

Чжоу Лаолю хмыкнул и многозначительно подмигнул:

— Корень Шуньцзы сейчас в надежном месте — у хозяина Мэна за пазухой!

Наступила ночь. У костра стало тихо, лишь слышался треск дров. Вскоре мужчины уснули — договорились, что первую половину ночи дежурит Мэн, а вторую — Шестой.

Вэй Чэн глаз не смыкал. Все их находки лежали в его корзине — он не мог позволить себе заснуть. Баюкая спящего Горшочка, он вытирал платком пот с его лба. И каждый раз, поднимая глаза, он встречал пристальный взгляд старика Мэна.

— Спи, малец, — проговорил охотник. — Чего тебе бояться, когда я на часах? Неужто сокровище прячешь, что спать боишься?

— О чем вы, дедушка Мэн, — спокойно отозвался Вэй Чэн. — В корзине только узелки да лепешки черствые. Чего там воровать? Просто душно очень, сон не идет. Да и брат у меня — стоит ему перегреться, как всё тело сыпью идет, приходится обмахивать.

— Заботливый ты брат, — бросил Мэн, и голос его стал холодным. — Прямо как твой отец.

— Всё хотел спросить вас, дедушка... — начал юноша. — Когда отец на медведя наткнулся, вы ведь тоже рядом были?

Старик внезапно поднялся:

— Не помню уже. Давно это было, поросло всё быльем.

Провожая его взглядом, Вэй Чэн почувствовал, как в груди всё леденеет.

«Лжец»

Ведь он только что слышал, как Чжоу Лаолю говорил, что Мэн был там в тот день.

***

Горшочек открыл глаза. Ему послышался плач.

Это был тоненький, жалобный плач младенца — так плакал сам Горшочек, когда у него болели зубки, или когда он терял из виду братика. От этого звука малышу стало нестерпимо грустно.

Он посмотрел на брата, который дремал, привалившись к дереву. Убедившись, что злой дед тоже крепко спит, кроха осторожно выбрался из объятий Вэй Чэна и пошел на звук. Синьэр тут же учуял его и выскочил из тени.

Плач становился всё ближе и ближе. Горшочек легонько потянул волчонка за ухо:

— Пойдем, Синьэр!

Ведомый острым нюхом питомца, Горшочек вскоре увидел под старым деревом белокожего младенца. Тот был совершенно голый, с пухлой попкой, а на шее у него была повязана тонкая красная нить. Кроха сидел на земле и, всхлипывая, ковырял землю ручонками.

Горшочек подбежал к нему. Он по-взрослому сложил ручки:

— Малыш, почему ты плачешь?

— Все... все хотят меня съесть, — пролепетал кроха сквозь слезы. — Я не хочу, чтобы меня съели или в вино засунули... Но я могу выходить из земли только ночью, когда луна светит.

— А почему ты тогда не убежишь? — озадаченно нахмурился Горшочек.

— Не могу... они меня привязали. Куда бы я ни ушел, они найдут меня по этой веревочке, — малыш заплакал еще громче.

Горшочек коснулся пальчиком красной нити на его шее:

— Это из-за неё? Давай я её сниму!

И он неуклюжими пальчиками принялся распутывать узел. Но младенец продолжал вытирать слезы:

— Даже так... они найдут мой дом. Я уже столько раз переезжал... Везет тебе.

— Хе-хе, — Горшочек почесал щеку. — У меня же братик есть.

— Через сто лет и у меня будет братик! — Дух понурился, и его пухлый животик обиженно сложился в складочки. — Только я не знаю, доживу ли я...

Он снова горько зарыдал. Синъэр, которому надоел этот шум, недовольно рыкнул. Кроха вскинул голову и зашелся в истерике:

— Все меня обижают! Все! У-у-у...

Горшочек, подражая Вэй Чэну, вытащил платочек и стал вытирать слезы:

— Не плачь, не плачь. Чего ты хочешь?

Малыш посмотрел на него заплаканными глазами и прошептал:

— Можно я поселюсь в твоём доме? Я отплачу тебе! Говорят, мои корешки бесценны и лечат все болезни на свете.

— Что за корешки?

Младенец вырвал у себя из головы один тонкий черный волосок, но стоило тому оказаться в руках у Горшочка, как он превратился в длинный золотисто-коричневый корешок женьшеня. Глаза Горшочка округлились:

— Ты... Женьшеневый малыш?

— Да! — Кроха гордо выпятил грудь, хотя глаза его всё еще были красными. — У меня семь сложных листьев! Я самый старый в горах Маоси. Мои волоски могут подарить твоему брату сто лет жизни!

При упоминании о брате глаза Горшочка засияли. Но он тут же вспомнил наказ дедушки Чэня: в хорошем деле нельзя показывать радость. Поэтому он подпер подбородок рукой и с самым серьезным видом осмотрел младенца:

— А ты умеешь... растить маленькие корешки? Будешь помогать Горшочку денежки зарабатывать?

Женьшеневый малыш едва снова не заплакал. Ну и ну! Этот «свой» оказался страшнее тех, двуногих. Те хотели его в вино, а этот хочет заставить его работать!

Небо на востоке стало светлеть. Дух засуетился, принимаясь яростно выкапывать себя из земли:

— Маленький Горшочек, я на всё согласен! Помоги мне скорее выбраться!

— Иду! — Горшочек засучил рукава и принялся помогать.

***

Вэй Чэн резко открыл глаза. Было уже утро.

Он всего лишь прикрыл глаза на мгновение, а проснулся, когда небо уже посерело. Он первым делом глянул на брата, а потом, убедившись, что все вокруг еще спят, заглянул в корзину. Все корни были на месте. Но на самом верш лежал странный комок свежей земли и мха.

Он коснулся грязи пальцами — она была влажной. Значит, это положили совсем недавно. Чэн осторожно расковырял мох и, увидев длинный, толстый корень, замер.

«Откуда? Сам пришел?»

Он тут же посмотрел на Горшочка. Личико малыша снова было всё в земле. Он взглянул на его ручки — под ногтями чернела свежая лесная грязь.

«Горшочек выкопал? Когда?!»

— Горшочек, Горшочек, — позвал он шепотом.

Малыш пошевелил бровями и медленно моргнул:

— Братик... Горшочек так хочет спать...

— Горшочек, ты куда ночью уходил? — тихо спросил юноша.

— Никуда не уходил... — малыш потерся головой о руку брата.

— Никуда? А руки почему такие грязные?

Мальчик посмотрел на свои чумазные ладошки и обиженно надул губки:

— Но Горшочек... правда не знает.

И он не лгал. Ему снился какой-то очень долгий и трудный сон, но что там было — он уже не помнил. Видя его неприкаянный вид, Вэй Чэн перестал расспрашивать. Пусть он не знал, откуда взялся этот дар, но один только отросток был толщиной с палец. Это был король гор!

С рассветом мужчины стали просыпаться. Главари охотников, протирая стрелы, бросил:

— Далеко не ушел. Где-то здесь он прячется.

— Ладно, поищем еще день, — вздохнул Чжоу Лаолю. — Всех хороших «стариков» в Маоси уже чужаки выкопали. Эх, кабы тот, столетний найти... Жили бы как короли!

Они затоптали костер и, не глядя на детей, ушли вглубь леса. Вэй Чэн больше не собирался искушать судьбу. Он отвел брата к реке, умыл его, а потом разбудил товарища:

— Доумяо, просыпайся! Нам пора вниз!

Они шли на север вдоль реки, постукивая палками по деревьям. Внезапно откуда-то издалека донесся ответный стук.

— Это папа! Точно он! — Доумяо вострепенулся.

Трое детей и волчонок бросились вперед и вскоре увидели высокого мужчину. Сын со всех ног кинулся к нему:

— Папа!

Мясник Ма, не спавший всю ночь в поисках детей, облегченно выдохнул:

— Слава небу... Живы!

— Папа, пойдем домой! Я больше не хочу в горы! — Доумяо теперь рыдал взахлеб, уткнувшись в отцовское плечо.

Старший Ма погладил сына по голове:

— Пойдем, сынок. Я сам вас обыскался — не думал, что вы так далеко забредете.

По дороге домой Вэй Чэн узнал, что лекарь Цяо и остальные смогли отогнать медведя. Лю Шуныцзы остался жив. Мясник почти не пострадал и, не дожидаясь остальных, отправился на поиски сирот.

***

К полудню они вернулись в деревню. Вэй Чэн и Горшочек сразу направились к своей хижине. Пока их не было, А Шэн и Мо-фулан немного прибрали в доме — вернули на место котел и нехитрую утварь. Хижина выглядела еще более жалкой после наводнения. Заперев дверь, Вэй Чэн с трепетом достал из корзины находки. Теперь их было четыре.

Пятидесятилетний Четырехлистник, найденный Горшочком; Трехлистник с плодами; молодая «Трехцветка» Вэй Чэна... и этот, последний.

Юноша осторожно счистил влажный мох и увидел мощное, бугристое тело корня. Его отростки расходились во все стороны, точно спицы зонтика.

— Один, два, три... семь! Семилистник?! — Чэн затаил дыхание.

Вдруг ему показалось, что корень шевельнулся — словно похвастался своим пухлым телом. Старший брат позвал Горшочка. Малыш коснулся Семилистника пальчиком и тут же отдернул руку:

— Братик, он мягкий!

Вэй Чэн коснулся сам — и едва не выронил сокровище. Оно было не просто мягким, оно было теплым! Точно животик младенца.

— Братик, он живой? — любопытствовал Горшочек.

Юноша степенно кивнул. Подумав, он проговорил:

— Похоже, этот корень скоро станет человеком. — Легенды о Женьшеневых малышах и впрямь не ври.

— Раз уж ты почти человек, мы не смеем тебя обидеть, — продолжал Чэн, глядя на растение. — Но зачем ты пришел к нам?

— Братик, ты зачем с травой разговариваешь? — Горшочек подпер щеку рукой.

Вэй Чэн погладил его по голове. Он вспомнил, как старик Мэн искал этот дар... Сначала волчица доверила им свое дитя, теперь вот Дух горы пришел в дом.

— Ты хочешь, чтобы мы тебя спрятали? Сберегли?

Длинный корень снова шевельнулся. Спрятать его в лесу было негде, поэтому юноша выбрал старый керамический горшок. Набрав свежей земли в березовой роще, он вместе с Горшочком посадил туда необычного гостя. Малыш бережно обхватил горшок ручками:

— Братик, куда мы его поставим?

— Поставим его пока на окно, — Вэй Чэн убирал рассыпавшуюся землю и нашел в ней один длинный золотистый волосок женьшеня. Он бережно спрятал его — такая вещь могла исцелить смертельно больного.

Остальные три экземпляра юноша очистил от грязи. Он аккуратно собрал красные плоды с Трёхлистника. Горшочек сосредоточенно пересчитал их:

— Братик, тут пятнадцать ягодок!

Вэй Чэн убрал их к золотому волоску:

— Эти продавать не будем. Прибережем на всякий случай.

Братя затопили печь, нагрели воды и смыли с себя лесную грязь. Завтра они отправятся в город! Вновь оказавшись в своей постели, они долго не могли уснуть. Горшочек без умолку болтал, пока юноша не прижал его к себе:

— Хватит баловаться, спи давай.

— Братик... Поставь Горшочка тоже на окошко, — кроха придвинулся к самому уху.

— Это еще зачем?

— Чтобы Горшочек тоже быстрее вырос!

— Не спеши взрослеть, — Чэн ласково пригладил его вихры. — Я всегда буду рядом, и мы будем расти вместе.

— Ладно, — Горшочек уютно устроился в объятиях и положил руку брата себе на животик. — Только, братик... обещай, что будешь гладить только мой животик! А ту травку в горшке — не гладь!

Старший брат рассмеялся:

— Хорошо, как скажешь. Спи, завтра нам в аптеку «Цзиминь».

Глаза Горшочка уже закрывались.

— А еще... дом строить... большой-пребольшой...

<http://bllate.org/book/15346/1413489>